

ПОЧЕМУ ЕВАНГЕЛИЕ – ЭТО РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ?

Ответы на вопросы открытых встреч

Вопрос: Как Евангелие может быть Радостной вестью, если Христа распяли? И еще, Он говорил: «Я принес не мир, но меч» и: «Кто не откажется от отца или матери ради Меня, тот недостойн Меня». Что здесь радостного?

Свящ. Георгий Кочетков: Вопрос задан очень хороший. Евангелие – благая весть. Если она может быть понята как радостная, то не в смысле радости житейской, не в смысле простого удовольствия, не в смысле радости как чего-то безответственного, скоропреходящего. Евангелие – это собственно благая весть, добрая весть, это весть о том, что преодолевается средостение между Богом и миром, между Богом и человечеством, и это самое главное. Поэтому когда мы вспоминаем о кресте и в то же время называем это благой вестью, то имеем в виду единство Креста и Воскресения, имеем в виду конечную победу. Если бы все кончилось одним крестом, то, конечно, это не было бы благой, радостной вестью. Это была бы великая трагедия, поучительная, но не радостная.

Христос говорит, что Он пришел принести не мир, но меч, но не в том смысле, что Он является виновником этого, не потому, что в этом воля Божья. Это констатация факта – того, что этот мир будет сопротивляться, что зло этого мира агрессивно. Есть борьба добра, любви и свободы, того, что от Бога, с одной стороны – и того, что не от Бога, что от греха, от зла. Христос своими словами нас предупреждает, что в этом мире в результате Его пришествия будет разделение на добрых и злых, на свет и тьму. Это разделение будет еще более серьезным, еще более глубоким, чем раньше, и нам надо выбирать и нести за свой выбор ответственность.

Когда говорится о том, чтобы оставить отца и мать, имеется в виду установление нормальной иерархии ценностей в жизни человека. Человеку естественному, природному, который принадлежит только лежащему во зле миру, естественно цепляться прежде всего за тех, кто рядом, кто близок ему по крови или по убеждениям. А Христос говорит, что надо поставить на первое место прежде всего Бога и Божью Истину. И без этого ты будешь терять и отца, и мать, и близких по убеждениям людей. Если хочешь сохранить близких, ты должен отказаться от них во имя Бога. Отказаться не в смысле предать, а в том смысле, что ты не будешь ставить их интересы и взаимосвязь с ними на первое место и считать, что смысл жизни зависит в первую очередь от этого.

Это великая заповедь, потому что без того, чтобы отвергнуться себя, взять свой крест и следовать за Христом, не может быть христианства. Но в этом и великая тайна, и великий подвиг каждого христианина, если он это понимает и исполняет.

Вопрос: Что такое христианский мир, что в нем особенного? Какой он? Чем он отличается от мусульманского или какого-либо другого?

О. Георгий: Конечно, для нас христианский мир – это мир, который объединен единством основных положений веры, единством истории, культуры, иерархии ценностей и целей, хотя бы в самом общем, самом крупном масштабе. Это мир, для которого свойственна определенная последовательность, определенный взгляд на историю, на человека, на общество, который все-речь воспринимает гуманистические ценности, так же как определенным образом относится к миру внешнему, природному. Человек этого мира дол-

«О Тебе радуется, Благодатная...». Фрагмент заалтарного панно. Церковь Введения Богородицы во Храм. Париж, улица Оливье-де-Сэвр. Сестра Иоанна (Рейтлингер), 1937г.

жен так или иначе проявлять заботу об этом мире точно так же, как и о каждом человеке, о его духовной судьбе, как в близком масштабе, так и в самом далеком. Христианский мир, конечно же, отличается от всякого другого мира – от мира секулярного, или древнего мира, или мусульманского, иудейского, языческого – разных исторических миров, и отличается именно этими характеристиками.

Трудно ответить коротко на вопрос, каков этот мир. Он таков, каким он заложен в Евангелии, каким он дан нам в образе, учении и жизни Иисуса Христа, апостолов, святых. Он таков, каким он раскрывался в эмпирической жизни, несмотря на то, что иногда декларации людей отличались от их реальной жизни, от их реальных действий. Но эта разница есть в каждом мире, не нужно думать, что она – свидетельство неподлинности христианского мира. Это было бы неправильно, потому что в каждом мире, как и у каждого конкретного человека есть проблема единства слова, дела и мысли. Просто христианство старается радикальней, серьезней и глубже решать эти проблемы, поэтому возматывают требования, хотя и даются великие дары. Христианин должен стать солью земли, светом этого мира, поэтому он несет на себе самую большую ответственность, имея и самое большое призвание, – ведь кому больше дано, с того больше и спрашивают-

ся. Это трудно, но это приобщает человека ко благу, к Божественной жизни в благодати, к Любви, к Свободе, к Свету, к Истине – в более полном и в более качественном виде, чем это бывает во всех других случаях.

Мы не отвергаем того, что в других мирах тоже могут быть свои ценности, в том числе и общи с христианским миром, но мы видим и различия, мы не можем думать, что этими различиями можно пренебречь, что они малозначительны. Мы хотели бы, чтобы осуществилось Божье предопределение о единстве всего мира, но понимаем, что пока еще свет во тьме светит и наша забота – способствовать тому, чтобы тьма не объяла его.

Вопрос: Почему в католический или лютеранский храм бывает легче зайти, чем в православный? Почему там больше уважают человека, чем у нас?

О. Георгий: Очень трудно согласиться с такого рода утверждением – что в православии не уважают человека, а в католичестве и лютеранстве уважают. Тем более, что можно встретиться с разными православными, точно так же как и католиками, и протестантами – это уж как вам повезет. Везде есть свои святые, и везде есть недостойные люди, которые плохо реализуют свою веру. Поэтому прежде всего сделайте вывод для себя, не показывая ни на кого пальцем. Попробуйте изнутри православной веры

относиться к людям достойно, принимая их такими, какие они есть, как Бог нас всех принимает. Да, исторически часто бывало так, что Восток жил в жестоких, трудных обстоятельствах и не всегда здесь ценность жизни отдельного человека стояла на достаточной высоте. Но то же самое бывало и на Западе – и в протестантизме, и в католичестве. Поэтому избегайте спорных обобщений. Пытайтесь найти полноту любви и веры в Бога и в человека – то есть именно христианской веры – для себя, делая эту веру своим путем, показывая пример для других. Вы увидите тогда и благодать, но и все трудности такого пути.

Если Вы встречаетесь в храмах с каким-то неуважением, Вы должны понимать что в наших храмах в XX веке по известным причинам прежде всего внешнего порядка (хотя не только) практически не осталось культурных и образованных людей как среди духовенства, так и среди прихожан. Надо понимать, что культурный человек стоит тихо, спокойно и не мешает Вам, а запоминается тот, кто ведет себя недостойно. Посмотрите внимательнее вокруг себя, когда приходите в православный храм, постарайтесь почувствовать глубину молитвы. Постарайтесь вступить в общение, а не просто в контакт с верующими, и Вы увидите, что Ваша характеристика была неточна.

Вопрос: Можно ли верить в душе, но не ходить в храм? Потому что бывает, что когда приходишь в храм, сталкиваешься с тем, что священнику ты не нужен, а это обидно.

О. Георгий: Для того, чтобы ходить в храм, верить в душе нужно обязательно. Для того, чтобы верить в душе, нужно иметь смелость общаться даже в условиях не очень благоприятных, в т.ч. в храме. Необходимо достаточно смирения, чтобы не иметь претензий на то, чтобы вокруг тебя ходили как вокруг новогодней елки, чтобы кто-то был обязательно заинтересован в общении с тобой. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать», – говорит нам Писание. И никакая «вера в душе» без этого подвига общения не будет подлинной верой. Это будет фикция. Так же как и хождение в храм без веры в душе, без доброты, без открытости, без жертвенности тоже ничего не даст. Нужно и то, и другое на достаточно качественном, серьезном уровне. Но и то и другое – это следствие любви к Богу и ближнему, следствие умения жить по-христиански. Вот к этому именно качеству я Вас и призываю.

Вопрос: Почему люди умирают? Как Бог это допускает? Кто в этом виноват?

О. Георгий: Бог этого не допускает. Это допускаем мы. К сожалению, человек допускает смерть, он разлагается и растлевается во грехах и похотях. А Бог этого не делает. Смерть – это духовная характеристика, а не внешнее разложение телесной оболочки индивидуальности того или иного человека. И если Вы только об этом подумаете, Вам сразу станет ясно, почему нужно идти к Богу – источнику жизни. Ведь Вы хотите сохранить в духовной жизни, в любви, в вечной памяти Божьей. Так подумайте о том, как сделать, чтобы единение с Богом привело к Жизни неувядающей. Смерть – это враг Бога, а не только человека. Поэтому давайте вместе со Христом и друг с другом бороться против этого врага. Это и делает Церковь, это и делает христианство, это и делает наша православная община.

ВЕРУНЯ

Рассказ Николая Кокухина

1.

Уже стемнело, а я все еще не знал, где буду ночевать. В храме не осталось ни одного человека, и я вышел за церковную ограду. У ворот стояла невысокая щуплая женщина; казалось, она кого-то поджидала.

— Не скажете, у кого можно переночевать? — обратился я к ней.

— Ну как не скажу — скажу, — с готовностью откликнулась она, как будто меня и дожидалась. — А я стою и думаю: чего я стою? — продолжала женщина, разговаривая со мной как со старым знакомым. — Оказывается — вот зачем.

Мы прошли метров сто по улице, на которой находился храм, а потом свернули направо, в узкий переулок. Через одну-две минуты мы остановились около небольшого домика в два окна, закрытых ставнями. Женщина открыла калитку и постучала в третье окно, у невысокого, в несколько ступенек крыльчика. На стук вышла хозяйка.

— Каво Господь послал?

— Свои, Веруня, свои.

— Маняша, заходи, милая.

— Да я не затем. Возьмешь человека переночевать?

— А кто он?

— Приехал к нашему батюшке.

— Почему не взять. Доброе дело на два века: на этот и на тот.

— Вот и ладно.

— Абасловение у батюшки надоть наперед взять.

— Вот и сходите вместе к нему. Он сейчас себя.

Когда мы пришли на церковный двор, отец Амвросий, мой давнишний друг и наставник, сидел под раскидистым кленом на лавочке и разговаривал с духовной дочерью, которая приехала к нему за советом. Он благословил Веруню, сказал ей несколько теплых слов, и мы вернулись обратно.

2.

Дом моей хозяйки состоял из прихожей (она же кухня) и горницы, разделенной на две части. В доме было чисто, уютно, самодельные половички заглушали шум шагов; в переднем, красном углу было множество икон, среди них выделялся большой образ Святителя Николая, перед ним теплился огонек лампады — я оказался в знакомой привычной обстановке.

— Не стесняйся, сынок, будь как дома. — Веруня уже надела домашние тапочки и суетилась на кухне. — Когда верующие вступаются, они ближе брата и сестры по крови.

У нее были ясные, несмотря на преклонный возраст, глаза, бесхитрое выражение лица; голову покрывал темный, без рисунка, платок, так что волос совершенно не было видно; весь ее облик был опрятный и простой.

— Сейчас будем вечерять, — сказала она. — Я сварю картох, а к картохам — квашеная капуста: я сама солила; вроде удалась.

— А у меня есть баночка сайры и полбуханки бородинского, — сказал я.

— Ну, тавда у нас пир горой.

От сваренного картофеля поднимался теплый пахучий пар, в капусте светились пурпурные глазки клюквы, бородинский хлеб был мягкий и ароматный, кусочки сайры блестели от масла — у меня, изрядно проголодавшегося, разыграл аппетит.

Мы помолились и сели за стол. Картофель был необыкновенно вкусным.

— Из своего огорода? — поинтересовался я.

— Из свово. Посадила ведро, а накопала три куля: кто любит Бога, добра получит много.

— А капуста?

— Моя. Вымахала такая, что не обхватить. Пару вилков оставила на зиму, пару посолила, а остальные в храм отдала... Скушение из-за них, овощей, вышло.

— С кем?

— С соседом. Говорит: «Пошто у тебя все прет как на дрожжах, а у меня — пусто. Земля-то, поди, одна. Может, удобреннее какое ностранное кладешь али рассада какая-то особенная?» Я говорю: «Ничего особенного у мене нетути». «А в чем дело тогда?» «А в том, что я все делаю с молитвой, с абасловением...» «Да ну, заливай! — не верит сосед. — Кабы было все так просто! Наверняка знаешь какой-нибудь секрет, а мне не говоришь...» Привел агронома, тот осмотрел наши участки: «Земля одинаковая». «А ты

возьми на анализ», — не унимается сосед. Взял. Через несколько дней сообщает: «Разницы никакой».

А сосед злится на меня: «Ты колдуешь!» «Я, — говорю, — с нечистой силой не знаюсь, прогоняю ее святой водой, постом и молитвой. Храм рядом, приди помолиться и кончатся твои муки».

А он еще пуще злится. Написал на меня заявление в милицию, мол, она колдунья, от нее все беды в нашем поселке: и пожары, и наводнения, и засуха, и кражи. Нагородил сто верст до небес. Приезжает начальник из милиции, важный такой, в золотых погонах, в высокой фуражке, и с ним еще три человека. «Заарестуют сейчас тебя, голубушку, — говорит сосед, — крышка тебе!» А я молчу и читаю про себя: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...»

Вошел этот важный начальник со своими помощниками в дом, осмотрел прихожую, затем горницу — тесно стало в моей конуре. «Ну как, мать, дрожжишь?» — спрашивает. «Нет, соколик, — отвечаю, — если б я была в чем-то виновная, то я бы дрожала, а как совесть у меня чиста, то я и не дрожу». «На соседа имеешь зуб?» «Нет, соколик, не имею против него ничего. Господь заповедал нам и о врагах молиться, а он мне даже и не враг».

Он повернулся к красному углу, долго смотрел на иконы, задержал взгляд на образе Святителя Николая. «Правило веры и образ кротости», — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но я-то сразу поняла, что его слова были обращены ко мне. Как пароль. «Это все хорошо. — Он еще раз посмотрел на образ Святителя Николая. — Даже очень хорошо». И пошел из хаты, остальные начальники за ним. Посадили с собой в машину соседа и увезли. О чем они там с ним разговаривали-беседовали, ефтого я не знаю. Но, видно, проняли крепко, так как он продал свой дом и уехал в Калужскую область.

3.

Веруня встала из-за стола.

Счас мы сварим чаек. — Она взяла бу-мажный пакет, достала из него большую щепотку травы и высыпала в заварной чайник. — Я магазинный чай не пью, только свой...

— Какая травка?

— Душница. Очень полезительная. Я сама травы собираю — и душицу, и зверобой, и мяту, и ромашку. На всю зиму хватает.

Она залила траву кипятком, а чайник накрыла тряпичной матрешкой.

— Давно при храме? — спросил я.

— Давно, сынок. Мне всегда хотелось быть при храме. Пришла и говорю: «Возьмите меня мыть полы». Учиться мне не пришлось, грамоты не знала, расписаться и то толком не могла — каракули какие-то вместо подписи выходили. Иван Тимофеевич, староста, — Царство ему Небесное — (Веруня перекрестилась), добрейшей души был человек — оставил меня при храме. И вот уже сорок девять лет мою в нем полы. Иван Тимофеевич, когда еще жив был, как-то говорит: «Переходи, Веруня, за свечной ящик». А я ему отвечаю: «Да я же считать не умею». «Ну тогда будь ночным сторожем». «Я же со страху умру, как только стемнеет». «Ну на кухню иди, — продолжает Иван Тимофеевич. — Ши-то, небось, умеешь варить». «Уметь-то умею, да не знаю, понравятся ли они батюшке. Лучше уж буду делать то, что и раньше делала: мыть полы». «Ну будь по-твоему», — говорит Иван Тимофеевич. И больше ничего мне не предлагал.

Веруня сняла матрешку и разлила чай по стаканам.

— Мне и жить хотелось поближе к храму. Раньше дома были дешевые, а этот, что детский пенал, и подавно. Мы с мужем и купили эту избушечку. Предлагали дом побольше, но он был далеко от храма. Я говорю: «Пусть будет дом-кроха, да рядом с церковью».

Муж мой, Евдоким Фомич, в храм не ходил, но мне не препятствовал. Мирного был нрава, спокойного, мы с ним за всю жизнь ни разу не поругались.

Веруня сходила на кухню и принесла вазочку с вареньем.

— В субботу после панихиды (я каждый день молюсь о Фомиче) подходит ко мне Матвеевна, наша давнишняя прихожанка, и подает мне баночку с черничным вареньем: «Помяни, — говорит, — деверя Михаила». Я говорю: «Ладно, помяну». И думаю: «Для чего мне столько варенья?» А Господь лучше нас знает — для чего.

Она наполнила вареньем розетки.

— У меня и сушечки есть, — продолжала она, надывая пакет с маленькими румяными сушками. — Третьеводни зашла в магазин купить спичек. Подходит ко мне незнакомый мужчина и говорит: «Купил два пакета сушек, а зачем купил, и сам не знаю — а их с детства не употребляю. Возьми, бабуля, пригодятся». Сунул в руки и ушел.

— Это Господь позаботился о тебе, — сказал я.

— Конечно, Он! Кто же еще! Все делается не по нашему хотению, а по Божьему изволению. — Веруня поправила платок на голове. — Все Господь дает, что нам нужно. Лишь бы нам Его не прогневать. Боюсь греха, как огня. Да куда от него денешься! Грешу каждую минуту. Хорошо, что батюшка рядом. Не далеке, как свидни, подхожу к нему и говорю: «Батюшка-свет Абросим, согрешила я». «Ну в чем же ты согрешила, Веруня?» — спрашивает он. «Страшно и сказать...» «А ты говори, не бойся». «Вчера хоронили одну женщину: гроб разукрашен, в парче, блестит аж весь. Я и подумала: «Хорошо бы и мне умереть в таком красивом гробе». «А разве имеет значение, в каком гробе умереть?» — спрашивает батюшка. «Да нет, вроде бы». «Правильно! Главное — с чистой душой предстать пред Господом, а в каком гробе умереть, это не имеет никакого значения». «Истинно так, батюшка, истинно так». «Та мысль была не твоя, а нашего заклятого врага». «Попутал, батюшка, попутал». «Наше дело — каяться, а о гробе Сам Господь позаботится... Вот так бывает, сыночек ты мой... Еще подлить чайку?»

— Не откажусь.

— Чай пить — дружбу водить... Я сама грешница до чаю: несколько раз в день пью...

После трапезы Веруня унесла посуду на кухню, а затем тщательно собрала чистой тряпочкой крошки от хлеба и сушек.

4.

Я прошелся по комнате, остановился около комода, на котором стояли две фотографии: юноша в солдатской форме и молодая женщина с ребенком на руках.

«Сын и дочка», — догадался я.

— Далеко живут? — спросил я, кивнув на фотографии.

— У нас поселок небольшой, так что все рядом.

— Навешают?

— Дочка, та забегает иногда, а сын — раз в год, да и то если мимо проезжает: он шоферит у меня.

— Внуков много?

— Трое и две внучки. Последний внук родился на прошедшую Пасху. Такой славный да ладный! Я его больше всех люблю.

— Почему?

— Дочка забеременела, а врачи говорят: «Тебе с твоими почками рожать нельзя — можешь умереть при родах». «А что же делать?» — спрашивает. «Прервать беременность». Дочка сама не своя: слезами исходит. «Я, — говорит, — не хочу убивать свое дитя». «И правильно, — одобряю я ее, — не делай этого! Потому что это самый большой грех для женщины. Не смотри на других, им Бог судия, а ты рожай». «Как же, — говорит, — рожай, а если умру». «Врачи, — говорю, — знают только то, что им положено знать, а волю Божию они не знают. Рожай, — говорю, — дочка, не бойся, во всем положишься на Бога. А я буду молиться о тебе день и ночь». И что же ты думаешь, сынок? Роды прошли лучше некуда! Врачи в удивлении — с такими почками и так легко родить! «Мы, — говорят, — такого и не помним!»

— Сын не пьет?

— Счас нет.

— А раньше?

— Бывало. Да и часто. А потом прекратил.

— Как же это?

— А вот как. У него был друг, еще со школьных лет, — куда один, туда и другой — водой не разольешь. И вот, милый ты мой, эта дружба в один распрекрасный день кончилась: дружок вовлек мово сына в какое-то нехорошее дело и так ловко все обставил, что сам чистеньким вышел из воды, а вся вина легла на мово сына. Его посадили в кутузку, завели уголовное дело — грозил большой срок. Пошли о нем разные слухи, мол, такой-сякой, но я-то хорошо знала, что он невиновен. Уж как я о нем молилась! Как молилась! Бывало, всю ночь стою на коленях, глаз не сомкну, обливаюсь слезами и прошу, прошу Боженьку помочь сыночку. Приду пораньше в храм и там бью поклоны. Верила, верила от всей души: не даст Бог погибнуть невинному человеку!

— И что же? — я вместе со стулом придвинулся ближе к столу, чтобы не пропустить ни одного слова рассказчицы.

— Вдруг, совсем неожиданно, следователя, который вел дело, перевели в другое место — на повышение. А на его место назначили другого — в годах и опытного. Не иначе, как Сам Господь вразумил его: он нашел нужную ниточку, потянул за нее, и все дело открылось — нашелся истинный виновник.

— Слава Тебе, Господи! — невольно вырвалось у меня.

— Кому же еще слава? Конечно, Ему! — подтвердила Веруня. — Сынок пришел ко мне и говорит: «Мам, знаю, это ты меня вымолила. Если бы не ты, заремел бы я в места не столь отдаленные. Даю тебе слово: больше пить не буду». «Вот и хорошо, — отвечаю я ему. — Бог в помощь».

Мы прочитали вечерние молитвы, а потом Веруня сказала:

— Страсть люблю слушать окафисты. Кажется, только их бы и слушала. Не сочти, сыночек, за труд, прочитай окафист.

— А кому?

— Николке-угодничку, кому же еще!

— Любишь его?

— Не то слово! Кажинный Божий день ему молось. Да и как не молиться — не успеешь его о чем-нибудь попросить, а он уже исполняет! Год или два назад я стала глохнуть. Кличут меня, а я не слышу. Да это еще полбеды: кому нужно, тот подойдет да и за рукав потеревит. Горе в том, что дьякон раскрывает рот на обедне, а я не слышу. Думаю: «Как же это так! Обедня кончилась, а я на ней вроде и не была!» Возмолилась от всей души Николке-угодничку: помогай, мой милый, помогай! А тут как раз его праздник, и батюшка-свет Абросим прочитал ему окафист. После окафиста я приложилась к чудотворной иконе угодника любимого, отошла от нее и слышу, будто и не глохла: «Ве-ели-ича-а-а-а-ем!» — весь храм поет. Ну и я стала петь.

Для меня не было большей радости, чем выполнить просьбу Веруни. Я читал акафист медленно, каждое слово преподносил как бы на ладони, и чем дальше читал, тем все более и более погружался в его духовную стихию, и хотя все строки хвалебной песни я знал почти наизусть, все равно воспринимал их так, как будто слышал впервые.

Веруня стояла на коленях и не сводила глаз с иконы Святителя Николая — она разговаривала с ним как с живым.

5.

На другой день мы поднялись весьма рано. Едва вышли на крыльцо, раздался колокольный звон. Веруня перекрестилась:

— Первый звон — пропадай мой сон; другой звон — земной поклон; третий звон — из дому вон!

— А мы уже на первый звон вышли, — сказал я.

— Вот и молодцы! — Веруня улыбнулась; улыбка осветила ее лицо, словно солнце — землю. — Кто рано встает, тому Бог дает.

Утро было свежее, на траве блестела роса.

— Я самая первая прихожу в храм, — сказала Веруня, затворяя калитку. — Михеич, сторож, не успеет распахнуть двери, а я уж тут. Утром в храме, вечером в храме, а между службами полы мою...

Колокол ударил еще раз, и стая ворон, вспугнутая звоном, снялась с берез и с криком закружила в воздухе.